

Анна Мисюк

Поэт Семен Фруг

«Лучший псалмопевец еврейства», «певец народного горя», чье творчество было «самым широким и свободным выражением еврейского Возрождения», – все эти титулы и характеристики относятся к поэту Семену Фругу.

Семен Григорьевич Фруг родился в 1860 году в Херсонской губернии в еврейской земледельческой колонии Бобровый Кут. Он ровесник эпохи реформ, а его молодость совпала с волной погромов.

Это и станет сквозной темой его творчества: подъем надежд, развитие просвещения, а затем – кризис этих надежд, гибельные предчувствия и поиск путей в будущее через национальное самосознание, способное вернуть народу смысл существования через возвращение в землю Израиля и созидание своей страны.

Талантливый юноша с 15 лет служил писарем в казенном раввинате, а это значит, что школьное образование дало ему прекрасное знание и русского языка, и иврита. Родным же, домашним языком Фруга был идиш, который по тем временам носил еще

пренебрежительное звание жаргона. Могучее влияние русской поэтической традиции формирует творческую личность Фруга. Первые стихи он пишет еще на идиш, но русский язык станет основным художественным инструментом поэта Семена Фруга. Он приобретает известность уже с первых публикаций в журнале «Рассвет» в 1879 году – и редакция журнала организует переезд 19-летнего юноши в Петербург. Чтобы получить разрешение на проживание в столице империи, Фруга регистрируют как лакея адвоката Варшавского. Этот момент пережитого личного унижения совмещен в сознании Фруга с общенациональной болью.

С первых же сборников еще не достигший своего 25-летия Фруг становится чрезвычайно популярным. И еврейская, и русская литературная критика буквально возносит его на поэтический Олимп. Однако популярность не делает его творчество более оптимистичным. Он до конца будет называть «роковым пробуждением от сладких видений» время, в котором выпало жить его поколению. Погромы и – что еще страшнее – обреченность погромам, ограничения в образовании, профессии, выборе места проживания, насильственные переселения, распад и растерянность традиционных общин – это тот фон, тот материал, из которого происходят и песни Фруга, и меланхоличные потерянные персонажи его прозы. Поэзии Фруга печальные, горькие по словарю, рыдающие по поэтической интонации, проникнутые «гневом, тоской и мукой жгучей», были созвучны настроениям его читателей, а благодаря языку широко доступны образованной публике.

Вот как описана встреча Фруга с публикой в Москве в переполненном Большом зале Московской консерватории в 1909 году, когда крепнущее сионистское движение организовало там литературно-музыкальный вечер.

«В начале 3-го отделения выступал С. Фруг, при появлении которого на эстраде вся публика поднялась со своих мест и встретила поэта шумом оваций. С.Г. Фруг прочел несколько своих стихов по-русски и на жаргоне. Затем выступил Я. Гузман, исполнивший народные песни йеменских евреев в обработке Ю. Энгеля и известный романс «И зорок глаз...», слова С. Фруга, музыка Ю. Энгеля.

Закончился вечер вторичным чтением С.Г. Фруга, которого публика проводила продолжительными и шумными аплодисментами и национальной песней «Ha-tikva».

Назавтра после вечера организаторами был дан банкет в честь С.Г. Фруга в зале гостиницы «Метрополь» («Рассвет», № 6).

Как видно из этого описания, в годы после первой русской революции поэт Фруг уже не только выразитель отчаяния, но и вдохновитель нового пути надежды на обретение своей страны и государства.

Очень интересны недооцененные современниками баллады и поэмы, проникнутые мотивами и тематикой Священного Писания. Возможно, современники слишком хорошо знали оригинал, но на позднейших читателей, далеко отошедших от религиозной традиции, то незаурядное мастерство, с которым Фруг воспроизводил голоса древних пророков Иеремии, Исаяи, Самуила, Амоса, величественную страсть их речей и героику воззваний, производит глубокое впечатление.

Многие баллады Фруга отображают сюжеты из истории евреев в разные времена и в разных странах. Его интонация в рассказах из истории недавних злоключений российских евреев и насмешлива, и горька. Проза Фруга в целом плохо делится на жанры; его фельетоны художественны, а его рассказы и сказки публицистичны. Вся тематика Фруга бьет в одну точку: народ изморожен и вымотан, его скитания и внешний произвол опустошают душу и лишают энергии на будущее, а единственный выход – это вспомнить пример великих предков и отправиться вновь в тяжелый путь воздвигать свой дом в земле Израиля.

Чего в творчестве Фруга нет, так это темы любви, личных чувств. Он не написал ни одного любовно-лирического стихотворения. Но любовь в его жизни была, и любовь незаурядная.

Он женился на русской девушке Евдокии Фроловой, которая любила столь самоотверженно, что порвала со своей семьей, которая пыталась противиться тому, что дочь и сестра свяжет свою жизнь с иудеем, к тому же и бедным, и больным. Жаль, что так и не сложил Семен Фруг песни об этой любви.

Вот что писал о семейной жизни Фруга адвокат Грузенберг, хорошо знавший супругов: «Пришла хорошая женщина, русская, не озирающаяся назад и не заглядывающая вперед, пришла и сожгла себя, чтобы пламенем согреть стынущего, замерзшего, из сердца которого проклятая жизнь выстудила все тепло». Последние годы Фруг с женой и дочерью жили в Одессе. Жили в мире, согласии и благоговейных взаимоотношениях. Не странно ли, что для дочери это стало источником душевных страданий, ее мучила раздвоенность, ей было хорошо и в церкви с матерью, и в синагоге с отцом, ей было хорошо с ними обоими, а когда их унесла ранняя смерть, она оказалась меж двух берегов. В наше время такая двойственность может обогащать жизнь, прибавлять ей полноты и красок, но тогда это было мучительной раздвоенностью.

Похороны Фруга стали последним массовым выражением признания его как поэта и почитания как учителя. За гробом шли тысячи людей, да и сам гроб несли на руках, не опуская на повозку. В пути от улицы Белинского, где жил Фруг, до Второго еврейского кладбища на Люстдорфской дороге звучали непрестанно стихи. Над открытой могилой скандировали его строки от первого лица: «Под гнетом скорби и тоски я к вам несу живую душу». Шел август 1916 года...

От редакции

Семен Фруг был похоронен на Втором еврейском кладбище. На могиле было установлено надгробие из черного мрамора. Оно было украдено румынами в годы оккупации Одессы. После войны надгробие было обнаружено, но еврейская община Румынии не вернула его в Одессу, а отправила в Израиль, где это надгробие было установлено на кладбище в Иерусалиме на аллее поэтов.

Второе еврейское кладбище было снесено большевиками в семидесятые годы. Это было очередным проявлением государственного антисемитизма. Лишь несколько захоронений перенесли на Второе христианское (тогда – Интернациональное) кладбище. Среди них захоронение Семена Фруга. На его могиле установили советскую цементную плиту, которая вскоре разрушилась.

К столетию со дня смерти Семена Фруга 10 октября 2016 года на могиле поэта был открыт новый памятник. Координатором проекта выступил почетный член Всемирного клуба одесситов, прозаик и краевед доктор наук Михаил Пойзнер. Дизайн проекта осуществил художник, архитектор Леонид Брук. Мы хотим назвать всех, на чьи деньги сооружен новый памятник. Это Григорий Бибергал, Леонид Брук, Вячеслав Волошин, Владислав Вайсман, Павел Вугельман, Ян Гулько, Сергей Данилко, Евгений Деменок, Яков Железняк, Леонид Кохановский, Александр Курлянд, Иван Липтуга, Яков Михалевич, Роман Моргенштерн, Олег Платонов, Михаил Пойзнер, Ефим Тульчинский, Яков Шпигельман, Игорь Ясногородский.

Семен Фруг

Еврейская мелодия

Исход, XIV, 15, II

И зорек глаз, и крепки ноги,
И посох цел... Народ родной,
Чего ж ты стал среди дороги,
Поник седою головой?
Ты не один: взгляни, толпой
К тебе твои вернулись дети...
Прими же их и всей семьей
Ты к сонму будущих столетий,
Чрез бездну мук, чрез цепь невзгод
Ступай вперед!
Вперед – под звуки старой песни.
Века минувшие зовут,
И громы нам кричат: воскресни!
И бури гимны нам поют.
И под громами, и под тучей,
На зов святой, на зов могучий –
Чрез бездну мук, чрез цепь невзгод,
Смелей, седой старик-народ,
Вперед! Вперед!